

Даже всегда невозмутимый, строгий крёстный изменился в лице. Прошло немало времени, прежде чем он глухо произнёс:

— То, что ты так печёшься о деталях... весьма похвально.

В этой фразе игровая система уловила отчётливые нотки сарказма.

Коу Дун — и печётся?

О чём он вообще может печься? О том, как половчее сбежать со свадьбы, или о том, как дотла спалить подвенечное платье?

Но Коу Дун и бровью не повёл. Он преспокойно принял сомнительную похвалу, мгновенно вернувшись к образу невинного белого цветка, и застенчиво, робко угукнул.

А заодно не упустил случая польстить крёстному:

— Всё благодаря вашему чуткому руководству, крёстный.

[.....]

Ещё никогда за всё время работы система не испытывала такого острого приступа косноязычия. От речей этого игрока у неё возникло непреодолимое желание просто вышвырнуть его из сети.

Пожар наверху разгорался. Ступени лестницы были устланы толстыми мягкими коврами, которые вспыхнули в одно мгновение. Бушующее пламя гнало вниз густые клубы едкого чёрного дыма. Задыхаясь, Коу Дун зажал ладонью нос и тихо закашлялся. В этот момент сквозь треск огня донёсся встревоженный голос слуги:

— Господин, молодого господина нет в комнате!..

Новый дворецкий поспешно вырос рядом с крёстным и лишь теперь заметил юношу, стоявшего у дверей гардеробной. Лицо слуги на миг исказилось, но он тут же низко склонился в глубоком поклоне.

— Молодой господин, — медленно проговорил он. — Так вы здесь.

Коу Дун вскинул голову. Он лишь мазнул по нему быстрым взглядом и тут же вновь перевёл взор на крёстного.

Крёстный пристально вглядывался в него, словно пытался прочесть скрытые мысли на его лице. Но актёрское мастерство Коу Дуна было безупречным. С видом абсолютной невинности, будто перед ним стоял совершенно незнакомый человек, он невозмутимо спросил:

— А это кто?

Зрачки крёстного едва заметно сузились.

— Твой новый дворецкий, — глухо отозвался он. — Знакомься. Он будет отвечать за проведение свадьбы послезавтра.

«Ох уж эти мужчины, — мысленно пожаловался Коу Дун системе. — Мы ведь с ним в таких близких отношениях, а он пытается подсунуть мне какую-то марионетку в новой шкуре?»

«Простите... А в каких именно отношениях вы состоите с этим персонажем?» — подала голос система.

«Да разве в обычных? — мысленно возмутился Коу Дун. — У нас, на минуточку, уровень благосклонности за девяносто перевалил!»

«...»

«За девяносто! — с нажимом повторил юноша. — Да он должен любить меня до безумия, пылинки сдувать! А вместо этого пытается так грубо и бесцеремонно одурачить...»

Он разочарованно цокнул языком и вынес окончательный вердикт:

«В общем, все мужики — козлы».

«...»

Похоже, освоившись в этом жутком подземелье, игрок наконец-то явил свою истинную суть. Голова забита всякой чушью, а сам так и норовит соорудить очередную пакость.

Огонь разгорался всё сильнее, пламя уже подбиралось к их этажу. Новый дворецкий без устали таскал ведро за ведром, пытаясь сбить пламя, пока Коу Дун в сопровождении двух мужчин спешно спускался вниз. Вскоре они стояли на открытой лужайке перед замком, наблюдая за бушующим пожаром.

Коу Дун не стал спрашивать, куда подевались остальные слуги. Крёстный тоже не спешил с объяснениями. Лишь Джимми Личи с задумчивым видом всматривался в полыхающие окна.

Вдруг на его лице промелькнула мимолётная улыбка, явив очаровательную ямочку на щеке.

Он набросил свой плащ на плечи Коу Дуна.

— Испугался, братец? — нежно шепнул юноша, заворожённо глядя на пляшущие в окнах багровые сполохи. — Какое внезапное, сокрушительное бедствие.

Коу Дун плотнее запахнул плащ, но ничего не ответил.

В воздухе плыл странный, удушливый запах. К гари от плоти подмешивался приторный, сладковатый аромат растоптанных, гниющих цветов. Этот тяжёлый, порочный дух мгновенно воскресил в памяти ту самую постель, в которой он очнулся.

Он приоткрыл рот и незаметно сделал глубокий вдох.

Пожар удалось потушить лишь к рассвету. Первые утренние лучи, пробившись сквозь верхушки вековых елей, озарили закопчённые, почерневшие оконные стёкла.

Прежние спальни требовали серьёзного ремонта, поэтому господам пришлось временно переселиться в гостевое крыло.

Оказавшись в отведённой ему комнате, Коу Дун наткнулся на свежую газету. На одной из страниц красовалось короткое объявление о помолвке.

Текст был предельно лаконичен: «14 сентября сего года состоится бракосочетание Нолана Камберленда, сына покойного графа Камберленда, и итальянского барона Джимми Личи. Торжество пройдёт под покровительством крёстного отца жениха, графа Августина».

Коу Дун перевернул страницу, надеясь найти подробности, но объявление ограничивалось лишь этими строками. Он прищурился, мысленно сопоставляя имена персонажей, и задумчиво постучал пальцем по бумаге.

«Итальянский барон...»

Почему-то именно это словосочетание заставило его насторожиться.

Просмотрев старые выпуски, он сумел разыскать кое-какие сведения о самом Нолане Камберленде.

Оказалось, несчастный мальчик рано лишился родителей. Оставшись без единой живой души, способной его защитить, он унаследовал колоссальное состояние и поместье в возрасте шести лет. Именно тогда крёстный отец забрал его к себе и занялся его воспитанием.

И именно крёстный выбрал для него жениха, решив лично устроить судьбу своего подопечного.

В те времена брак между двумя мужчинами считался делом неслыханным, кошунственным. Ни королевский двор, ни церковь ни за что не допустили бы подобного святотатства. Оставалось лишь догадываться, каким колоссальным влиянием обладал граф Августин, раз сумел заставить всех замолчать и продавить это решение.

Более того, в этих уединённых стенах он вознамерился разделить ложе с новоиспечённым зятем, устроив свадьбу на троих.

Абсурд чистой воды.

Коу Дун аккуратно сложил газету и вернул её на столик. Он прищурился, погрузившись в размышления.

Похоже, у его многоуважаемого крёстного... скелетов в шкафу припрятано предостаточно.

Спустившись в малую гостиную, он застал там лишь дворецкого, чинно застывшего у чайного столика с серебряным кофейником. Все остальные марионетки-слуги превратились в пепел во время ночного пожара. Отсутствие челяди окончательно убедило Коу Дуна в том, что его затея со сжиганием Портного принесла плоды.

Судя по всему, именно Портной создавал для марионеток их фальшивую плоть. Теперь, когда его не стало, оживить новые марионетки было попросту некому.

Дворецкий бесшумно разливал ароматный напиток по фарфоровым чашкам. Коу Дун сделал небольшой глоток, краем уха прислушиваясь к неспешной беседе крёстного и Джимми Личи. Те обсуждали земельные наделы, арендаторов и доходы с ферм. Юноша хранил молчание, безучастно глядя перед собой, пока вдруг не прервал их вопросом:

— Крёстный, а много ли гостей вы пригласили?

Лицо графа мгновенно окаменело, губы сжались в тонкую линию. Зато Джимми Личи весело рассмеялся — в этот момент он казался воплощением романтического, пылкого итальянца.

— Зачем нам какие-то гости, братец? На нашей свадьбе мне не нужен никто, кроме тебя.

Коу Дун проигнорировал Джимми и продолжил пристально смотреть на крёстного.

— Вы действительно не хотите, чтобы кто-то засвидетельствовал наш союз? — тихо спросил он.

Желваки на лице графа хищно качнулись. В его облике не было и следа предсвадебной радости — лишь мрачная, давящая глухая ярость. Не отводя тяжёлого взгляда от воспитанника, он медленно процедил:

— Тебе так нужны свидетели?

— Разумеется, — без тени сомнения отозвался Коу Дун. — В конце концов, это единственная свадьба в моей жизни.

Граф резко поднялся с кресла. Он ожёг воспитанника взглядом, в котором бушевала настоящая гроза, и стремительным шагом направился к выходу. Не проронив ни слова, он скрылся за дверью кабинета, оставив женихов наедине.

— Ох-ох, — Джимми вальяжно откинулся на спинку дивана, его голос так и сочился напускной жалостью. — Кажется, наш милый братец рассердил его сиятельство.

Он протянул холёную руку и нежно коснулся гладких, забранных в хвост тёмных волос юноши.

— Неужели? — отозвался Коу Дун.

— Ещё как, — улыбнулся Джимми. Его ладонь скользнула ниже, бережно поглаживая чувствительную кожу на затылке. — Крёстный в ярости... Завтра тебе несдобровать, братец.

Взгляд итальянца, казалось, намертво прикипел к его тонкой шее, мысленно проникая под одежду и спускаясь ниже, вдоль позвоночника.

— Раз уж расплаты не избежать, может, позволишь мне вкусить этот запретный плод чуть раньше? — вкрадчиво прошептал он. — Что скажешь, дорогой?

Коу Дун не поддался на эту дешёвую провокацию. Напротив, на его губах заиграла лёгкая усмешка:

— Вы, верно, шутите, барон. Даже если кому-то и суждено сорвать этот цветок первым, то лишь моему многоуважаемому крёстному. С какой стати право первой ночи должно достаться вам?

Джимми мгновенно переменялся в лице. Маска влюблённого романтика осыпалась прахом, обнажив холодную, хищную гримасу, а в голосе прорезались угрожающие нотки:

— Ты говоришь это серьёзно, братец?

— Вполне, — отрезал Коу Дун.

Барон не проронил больше ни слова. Он рывком поднялся с дивана, изо всех сил сжимая челюсти, силясь сдержать рвущееся наружу бешенство. Так ничего и не ответив, он круто развернулся и стремительно покинул гостиную.

Избавившись от обоих соперников парой метких фраз, Коу Дун остался один. Сделав ещё пару глотков, он решил выместить душу на прислужнике. Лениво покачивая чашку, юноша недовольно протянул:

— Ты издеваешься надо мной? Прекрасно ведь знаешь, что у меня слабый желудок, и всё равно подаёшь остывший чай?

Дворецкий: [.....]

Слуга покорно склонил голову и безмолвно удалился, чтобы заварить свежий.

Наконец-то наступила тишина. Оглядевшись по сторонам и убедившись, что свидетелей нет, Коу Дун с глубоким вздохом облегчения вытянулся на мягком диване.

«Давно мечтал прилечь, — пожаловался Коу Дун системе. — А то эти двое расселись тут, дышать нечем было».

«...»

«Должна признать, ваш стиль прохождения... весьма оригинален. Мы ещё не сталкивались с подобными методами», — после долгой паузы отозвалась система.

«Да ладно тебе, пустяки, — скромно отозвался Коу Дун. — Просто нужно знать, на какие мозоли наступать».

«...»

«Днём они всё равно ничего не могут сделать, — с мягкой улыбкой продолжил он. — Да и слишком сильно они мной дорожат, чтобы причинить вред прямо сейчас».

Но почему они проявляют истинную активность лишь под покровом темноты? Коу Дун нутром чуял: за этим кроется какая-то тайна.

Впрочем, пока разгадка не найдена, следовало провести небольшую разведку.

Как профессиональный стример симуляторов свиданий, он мог не разбираться во многих вещах, но в некоторых вопросах был настоящим докой. Например, в том, как стравить фаворитов между собой, как уцелеть в эпицентре любовного треугольника и как виртуозно вешать лапшу на уши каждому обиженному партнёру по отдельности.

Раздразнив крёстного до предела, Коу Дун решил, что пришло время примерить на себя роль пожарного.

Он сладко потянулся на диване, даже успел вздремнуть часок-другой, и лишь после этого неторопливым шагом направился к дверям кабинета. Перед тем как постучать, он поинтересовался у системы:

«Ну как? Выгляжу достаточно несчастным?»

«Более чем...» — согласилась система.

Это действительно впечатляло. Глаза юноши припухли и покраснели — казалось, ткни его пальцем, и он разрыдается навзрыд.

Удовлетворённый результатом, Коу Дун деликатно коснулся двери костяшками пальцев и, не дожидаясь приглашения, мягко нажал на ручку. Едва переступив порог, он бросился вперёд:

— Крёстный...

Голос юноши дрогнул, плечи мелко затряслись от беззвучных рыданий. Он упал на колени перед сидящим мужчиной и, не помня себя, прижался к его ногам.

— Крёстный, умоляю, почему всё должно быть именно так? — сквозь слёзы заговорил он дрожащим, срывающимся голосом. — Я хочу быть только с вами... Почему вы не можете спасти меня?..

[!!!]

«Твою же мать... Что этот игрок вообще несёт?!»

<http://bllate.org/book/18984/1892247>